

Советское полпредство и белорусская колония в Литве в 1920-е гг.

Короткова Дарья Александровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: dasza1981@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

Цитирование

Короткова Д. А. Советское полпредство и белорусская колония в Литве в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 254–271.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.02

Статья поступила в редакцию 10.11.2020.

Аннотация

Статья посвящена малоизвестным страницам истории советской дипломатии. Контакты с эмигрантскими кругами были важной частью работы советского представительства в Литве в 1920-е гг. Поиски эффективных путей проникновения коммунистической пропаганды в широкие круги населения соседних стран, попытки склонить политических деятелей этих стран к сотрудничеству составляли основные мотивы данных отношений. Начиная с 1921 г. связи с советскими дипломатами, главным образом по финансовым соображениям, искали сами эмигранты, в том числе члены Рады БНР – непризнанного белорусского правительства в изгнании. Для советского руководства эти контакты стали представлять интерес после 1923 г.: окончательное признание советско-польской границы Советом послы Антанты похоронило надежды эмигрантов на реализацию идеи белорусского независимого государства. Поиск выхода из этой ситуации приводил либо их к мысли о переезде в БССР, где они надеялись воплотить хотя бы частично свои идеи, либо к тесному сотрудничеству с советской дипломатией, которая, в свою очередь, использовала этот канал для доступа к белорусскому меньшинству. Источниковую базу статьи составляют архивные материалы дипломатического ведомства СССР.

Ключевые слова

Ковенская Литва, Белорусский комитет, Ластовский, Головинский, Козюра, Зандер, Александровский.

12 июля 1920 г. был подписан Московский советско-литовский мирный договор, передававший Литве г. Вильну и значительную часть западнобелорусских земель — Ошмяны, Лиду и Гродно. Рижский мирный договор от 18 марта 1921 г. между РСФСР и Польской республикой закрепил западную часть Белоруссии, а именно Гродненскую, часть Минской и часть Виленской губернии, за Польшей. Вильно был передан Литве согласно Московскому договору, но уже в октябре 1920 г. захвачен польскими войсками под руководством генерала Л. Желиговского, и на его территории была образована формально независимая Срединная Литва, позже присоединенная к Польше.

Белорусская политическая эмиграция после Рижского мира окончательно лишилась надежды на создание независимого национального государства. Ее представители рассеялись по окрестным странам. Так, еще во время Рижской мирной конференции в Латвии осталось правительство непризнанной Белорусской народной республики (БНР) В. Ластовского. После заключения советско-латвийского договора в 1920 г. оно покинуло Ригу и переехало в литовскую столицу Ковно (Каунас). В конце 1920 г. Ластовский приступил к организации антипольских вооруженных формирований. Такую возможность ему предоставил польско-литовский конфликт из-за Вильны. Белорусские политики увидели в нем возможность заручиться поддержкой Ковно относительно своих претензий на политическую власть в отходивших полякам белорусских землях. Литовские власти допустили формирование белорусских частей на своей территории, обещали помочь в агитации и вербовке партизан на польской стороне границы, открыли дипломатическое представительство БНР. Ценой этой поддержки должны были стать голоса белорусов Виленской губернии на плебисците, который Антанта планировала провести для разрешения польско-литовского спора¹.

Что же касается коренного белорусского населения на территориях, отошедших к Литве, то, согласно переписи 1923 г., там проживало

1 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 14. Записка А. Е. Аксельрода Г. В. Чичерину от 22 ноября 1920 г.

всего около 4400 белорусов. Один из лидеров белорусского движения в Латвии, К. Езовитов, подвергал эту цифру обоснованному сомнению. Сравнивая данные литовской переписи с российской статистикой 1897 г., он предполагал, что на территории Литовской республики должно было проживать около 40–45 тыс. этнических белорусов². В дальнейшем оценки как польских, так и белорусских исследователей опирались также на цифры, вычисленные Езовитовым, хотя часть из них и высказывают некоторые сомнения в их точности. Проверка их затрудняется еще и тем, что перепись 1923 г. была единственной в Литве в межвоенный период³. Езовитов видел в этих данных отказ местного белорусского населения от своей национальной идентичности. Вина в этом, по его мнению, лежала в том числе на правительстве Ластовского, которое, как и правительство Литвы, значительно больше интересовалось белорусами Виленщины и Гродненщины, в связи с литовско-польским противостоянием, чем местным населением Ново-Александровского и Троцкого уездов. Не имея финансовой и культурной поддержки своей самобытности, это, крестьянское в своей массе, население быстро ассимилировалось русским и польским меньшинствами, чему неосознанно способствовала и литовская политика в отношении национальных меньшинств⁴. Заинтересовалось им в итоге советское постоянное представительство в Литве.

Советская миссия вела работу по нескольким направлениям: контакты с эмигрантскими группами по линии как дипмиссии, так и разведки, и попытки наладить коммунистическую пропаганду среди нацменьшинств, в том числе белорусского. Активное участие в этой деятельности также принимали представители руководства БССР, Коминтерн, непосредственно компартии Литвы, Польши, Западной Белоруссии.

Контакты эмигрантов из числа лидеров БНР с советскими дипломатами были достаточно активными с самого начала 1920-х гг. Непримируемая антипольская позиция группы В. Ластовского с удовлетворением отмечалась советским руководством, однако никаких далеко идущих расчетов оно с ней не связывало: «Надо держаться выжидательно. Они борются против поляков, поэтому не следует им противодействовать в данный момент, но опасно было бы активно им

2 *Ezasimaŭ K.* Беларусы ў Літве // Запісы. Беларускі інстытут навукі і мастацтва. New York; Miensk, 2013. № 36. С. [114].

3 *Błaszczak T.* Białorusini w Republice Litewskiej. Białystok, 2017. S. 255.

4 *Ezasimaŭ K.* Беларусы... С. [115].

содействовать, ибо это могло бы быть использовано позже», — писал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин советскому представителю в Ковно А. Е. Аксельроду 6 ноября 1920 г.⁵

Белорусы видели в восточном соседе шанс на получение финансовой помощи, а кроме того, поддерживали связи с минским руководством, которое во многом имело те же «национал-демократические» корни. В частности, Б. Тарашкевич, А. Луцкевич и др. печатали в Берлине тиражи учебников для БССР на белорусском языке в Берлине и Ковно. Часть тиража они имели возможность оставлять для собственных целей⁶. К тому же уже в 1921 г. начались трения между белорусскими лидерами и литовским руководством. Они представили в сейм меморандум по вопросу о положении белорусов и их правах в этнических литовских границах и на восточных территориях Республики.

В феврале 1921 г. Ластовский под нажимом литовских властей заявил об отсутствии у его правительства претензий на власть в БССР⁷. Однако, поскольку белорусское представительство в Литве претендовало на то, чтобы быть выразителем интересов всей этнической Белоруссии, это вызывало определенное беспокойство советских дипломатов. О положении белорусского вопроса писал в своих докладах заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову еще в июне 1921 г. полномочный представитель РСФСР в Литве С. И. Аралов, однако в Москве его сообщения отклика не имели. Советские дипломаты не выразили протеста против существования представительства и правительства БНР. Более того, его сохранение считалось полезным для РСФСР, так как оно вело активную антипольскую пропаганду⁸.

В конце 1921 г., убедившись в безнадежности своих обращений к Антанте, белорусские эсеры стали искать возможность договориться с советскими дипломатами. А. К. Головинский, член партии белорусских эсеров и советник непризнанной делегации БНР на мирной советско-польской конференции в Риге в 1920 г.⁹, осевший в конце концов в Ковно, проявлял значительную активность в этих контактах. Так, например, в конце 1921 г. он развивал «сумбурную идею» о соз-

5 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2111. Л. 4.

6 *Iwanow M.* Białoruskie zmienowichestwo // *Białoruskie zeszyty historyczne.* Białystok, 2018. № 51. S. 79.

7 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 74.

8 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0151. Оп. 7. П.6. Д. 3. Л. 113.

9 *Чернякевич А. Н.* БНР. Триумф побежденных. Минск, 2018. С. 181.

дании буферной республики Белоруссии по образцу Дальневосточной республики. Секретарь советского полпредства в Литве С. И. Зандер указывал ему на утопичность такой идеи: во-первых, ее исполнению мешали белорусские обязательства перед Литвой, во-вторых, НЭП сделал для белорусского крестьянства вполне приемлемой федерацию с Россией на советской платформе и агитацию за присоединение к БССР¹⁰. Головинский просил о координации действий с Минском и виленскими коммунистами по всем вопросам, в частности о бойкоте выборов в Виленский сейм. Переговоры существенно тормозились отсутствием специального сотрудника по взаимодействию с литовскими белорусами. Ни Зандер, ни Аралов не смогли добиться такой штатной единицы, несмотря на то, что связь с Вильной удобнее было бы осуществлять из Ковно, чем из Минска¹¹.

Однако в Москве перспективы такого сотрудничества оценивали скептически. 15 декабря 1921 г. член Коллегии НКВД Я. Х. Давтян писал, что с белорусскими эсерами, в частности с Головинским, всерьез считаться не стоит. Он оценивал их как «публику весьма подозрительную», которая «ищет контакты и денежного содействия с самыми разнообразными группировками и фактически шантажирует нас, а может быть и поляков»¹². Давтян пренебрежительно отзывался и о «фантастических» идеях Головинского о создании в Белоруссии буферного государства. «Сейчас нам некогда этим заниматься. Если они действительно хотят работать — пусть ведут активную работу в польской части Белоруссии — мы будем судить их по результатам»¹³.

Зандер, однако, имел иную позицию по белорусской проблеме. 25 декабря 1921 г. в докладе, адресованном Давтяну, он писал, что белорусский вопрос, по его мнению, «вступает сейчас в стадию если не практически, то идеологически актуальной проблемы, и, кажется, его под спудом хоронить более нельзя»¹⁴. Зандер считал, что белорусские эсеры собирались использовать советское влияние, чтобы давить на Литву и в будущем реализовать свои самостийные тенденции с

10 АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 7. П. 6. Д. 3. Л. 136.

11 Там же. Л. 137. Доклад Зандера члену Коллегии НКВД Я. Х. Давтяну от 10 декабря 1921 г.

12 Там же. Л. 110.

13 Там же.

14 Там же. Л. 113. Можно предположить, что связано это было с предстоящими в 1922 г. выборами в польский сейм, подготовка к которым шла и в Виленском крае.

помощью РСФСР. «Все такие возможности нам, умело маневрируя, желательно было бы и полезно использовать, но для этого нужно установить какую-то более определенную точку зрения на этот вопрос и вместе с тем дать директивы Литкомпартии, с которой они ищут контакта и у которой белорусский вопрос совершенно не освещен»¹⁵. Интересно описание в этом докладе беседы советского дипломата с Головинским, состоявшейся накануне. Зандер просил его дать ему меморандум и основные тезисы белорусских эсеров по национальному вопросу. Идею буфера он категорически объявил неприемлемой как для РСФСР, так и для отношений белорусов с Литвой. Он заявил о необходимости стремиться к объединению всей этнографической Белоруссии в границах БССР в федерации с Россией, однако, ввиду сложного международного положения, как тактический лозунг его выдвинуть было нельзя. Зандер потребовал полной координации действий с компартиями в белорусском вопросе, содействия Советской России в ее борьбе с Польшей и стоящей за ней Антантой¹⁶.

Головинский спросил, возможно ли поставить вопрос о присоединении к Минску и других белорусских областей. Зандер ответил, что этот вопрос не принципиален, и его разрешение будет зависеть от политической позиции, степени искренности и активности белорусских эсеров в их сотрудничестве с коммунистами. Главным же требованием было прекращение той двойственной политики, из-за которой деловые переговоры с ними для советских дипломатов вряд ли возможны. Головинский решил поставить все эти вопросы на рассмотрение партийного центра и окончательно определить линию Белорусской партии социалистов-революционеров (БПСР) по отношению к Советской России. Зандер считал, что шансы на сближение были велики, в связи с безнадежностью положения белорусов, с одной стороны, и с дружественной политикой БССР, с другой. В своем докладе Коллегии НКВД Зандер просил обсудить этот вопрос и составить четкие инструкции для компартии и советского представительства, и, главное, вновь просил прислать в Ковно специального сотрудника для контактов с белорусами, однако все так же не придавать этим контактам официального характера¹⁷.

Постепенно советская дипломатия сформулировала основные принципы своей политики по отношению к этим эмигрантским кру-

15 Там же.

16 Там же.

17 АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 7. П. 6. Д. 3. Л. 114.

гам: оказание поддержки, в том числе финансовой, в обмен на признание Минска единственным белорусским политическим центром. На первый план вышло сотрудничество с левым крылом национальной эмиграции. Связано это было во многом с политикой белорусизации, в проведении которой именно лидеры национальных движений могли оказать значительную помощь. При этом продолжало сохраняться положение, при котором основную роль играло представительство на месте, в Ковно. Именно полпредство выступало локомотивом контактов с белорусскими эмигрантскими кругами, требуя от центра директив и активно предлагая собственные решения.

В начале января 1922 г. Зандер провел неофициальное совещание с белорусскими эсерами — Т. Грибом, И. Мамонько, А. Головинским и Л. Заяцем. Предварительным условием любых переговоров Зандер поставил признание ими Советской Белоруссии в качестве «организационного центра, к которому должно в перспективе стремиться все организованное белорусское революционно-национальное движение белорусских крестьян»¹⁸. В целом эта позиция была эсерами принята, и Зандер предложил им составить на основании этих переговоров меморандум для отсылки в НКВД СССР. По мнению советского представителя, пренебрегать белорусскими эсерами не следовало, так как они были согласны работать под советским руководством. Он считал безосновательными опасения Литвинова, что белорусское национальное движение сможет «разложить» Советскую Белоруссию, если примет организованные формы. Он полагал, что этого не произойдет, если левые круги солидаризуются с коммунистами и будут под советским влиянием. Иначе перевес в белорусском движении могли бы получить правые элементы, что чревато осложнениями. Белорусы могли бы, по его мнению, быть полезны еще и в связи с намечавшимся охлаждением в отношениях РСФСР с Литвой: помочь сделать литовское правительство более податливым к советским предложениям¹⁹. Тем не менее, до 1923 г. советское внешнеполитическое ведомство не давало своим ковенским сотрудникам добро на вмешательство в белорусские дела.

Ситуацию, сложившуюся в 1922–1923 гг. в белорусских эмигрантских кругах в Литве, сами их члены характеризовали как «ковенское болото»²⁰. Делегации БНР не удалось включить «белорусский

18 Там же. Л. 87.

19 Там же. Л. 88. Доклад члену Коллегии НКВД Ганецкому от 7 января 1922 г.

20 *Błaszczak T. Białorusini...* S. 259.

вопрос» в повестку дня на Генуэзской конференции 1922 г. Не привели к успеху и многочисленные обращения правительства БНР к Лиге Наций и правительствам европейских государств. После того как конференция послов в Париже в 1923 г. утвердила восточную границу Польши согласно Рижскому договору, положение правительства БНР в Ковно изменилось. До этого правительство Литвы видело в белорусах дестабилизирующий фактор, который мог изменить ситуацию с Вильно, захваченным Польшей, в пользу Литвы. Теперь белорусы становились для Ковно бесполезны²¹. Это отозвалось конфликтами в эмигрантской среде. Ластовский, настаивавший на продолжении партизанской борьбы на Виленщине, 20 апреля 1923 г. подал в отставку. 7 июля 1923 г. специальная комиссия БПСР приняла решение об исключении Ластовского и его ближайшего соратника К. Душ-Душевского из партии²². Председатель Рады БНР П. Кречевский назначил премьер-министром А. Цвикевича.

Кризис белорусско-литовских отношений тем временем продолжал углубляться. 2 декабря 1923 г. большая часть Рады и правительства БНР переехали из Ковно в Прагу. Однако сами лидеры враждующих группировок — Ластовский и Цвикевич — остались в Ковно. События в Советской Белоруссии: НЭП, белорусизация, а особенно укрупнение территории БССР в 1924 г. — начали ориентировать белорусскую эмиграцию на Минск как центр национально-культурной консолидации²³. Новый глава правительства БНР А. Цвикевич и его сторонники считали, что советская власть, став на путь демократизации, способна стать союзником в деле возрождения Белоруссии. По мнению польско-литовского исследователя Т. Блащака, важную роль в переходе «группы Цвикевича» на советскую сторону сыграл бывший депутат сейма С. Яковюк, который встречался с Цвикевичем, Головинским и Тыминским в Ковно²⁴.

НКВД СССР бдительно следил за настроениями в эмигрантских центрах. Ликвидация правительства БНР с передачей его полномочий руководству БССР стала теперь одной из актуальных задач советской дипломатии. Преследовались следующие цели: ликвидация альтернативного национального проекта, потенциально враждебного советско-

21 *Ліс А.* Аляксандр Цвікевіч. Выдатны публіцыст і гісторык. Мінск, 2014. С. 42.

22 *Błaszczak T.* Białorusini... S. 260.

23 *Ліс А.* Аляксандр Цвікевіч... С. 43.

24 *Błaszczak T.* Białorusini... S. 263.

му; укрепление при этом позиции СССР как наиболее демократического в отношении национальных меньшинств, что особенно выгодно выглядело на фоне неумелого поведения руководства Польши; немаловажно было и кадровое усиление для политики белорусизации — возвращавшиеся эмигранты сразу же включались в этот масштабный проект. Вопрос о возвращении лояльных советской власти лидеров белорусских «незалежников» в БССР впервые ставился в 1923 г., при обсуждении укрупнения БССР, и был решен в принципе положительно²⁵. В 1924–1925 гг. эта идея получила возможность реализации.

Вынуждая белорусских лидеров — сначала Цвикевича, затем и Ластовского — переходить все более явственно на просоветские позиции, советские дипломаты добились фактической ликвидации белорусского антисоветского центра в балтийских республиках: Цвикевич в сентябре 1925 г. передал полномочия правительства БНР представителям БССР и переехал в Минск. Вскоре засобирались в столицу БССР В. Прокулевич, Л. Заяц и А. Валькович. Наконец, идеи возвращения проникли и в умы противников Цвикевича: в конце 1925 г. в Минск приехала П. Бодунова, а после съезда белорусоведов в Минске в 1926 г. к переезду стал готовиться и Ластовский, хотя и испытывал большие сомнения в правильности этого шага. Тем не менее советское дипломатическое ведомство считало, что в Литве должна была сохраниться белорусская колония. Был образован Ковенский белорусский национальный комитет во главе с А. Головинским и Я. Гузнем. На организационное собрание для учреждения Белорусского комитета в июле 1925 г. пришли 45 человек.

Накануне белорусской конференции в Берлине, 29 сентября 1925 г., судьба белорусской колонии и Ковенского комитета обсуждалась в переписке полномочного представителя СССР в Литве Александровского и члена Коллегии НКВД Аралова. Комитет, по мнению Александровского, нужен был, чтобы продолжать будировать литовское общественное мнение в связи с виленским вопросом. Сдача мандатов БНР не должна была повлиять на судьбу местного белорусского комитета, поскольку «всегда выгоднее быть организованным, чем неорганизованным»²⁶. Он должен был открыто ориентироваться на БССР²⁷.

25 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 315. Д. 54750. Л. 21. Заседание Комиссии по работе среди белорусов в Польше, в составе Рудзутака, Чичерина и Уншлихта, от 5 июня 1923 г.

26 Там же. Оп. 51. П. 316. Д. 54752. Л. 72.

27 Там же.

В письме от 3 октября 1925 г. Александровскому Аралов конкретизировал задачи группы Головинского. Она должна была оказывать помощь советскому полпредству не только в белорусских, но и в литовских делах. Однако не следовало присваивать ей никакого громкого имени. Группу же Ластовского следовало, по мнению Аралова, распустить: «он и его группа для Вас только вредны»²⁸.

В ноябре 1925 г. Александровский на встрече в Москве с минским руководством согласовал новые направления деятельности ковенского Белорусского комитета. По общему мнению, в дальнейшем Головинскому со товарищи следовало проводить более плотную работу с белорусским населением в Литве, для чего придать ей местный, постоянный характер, лишив ее «специфического привкуса эмиграционной деятельности белорусов, находящихся как бы “вне времени и пространства”»²⁹. Для этого необходимо было создать местные опорные пункты, национальные ячейки, организовать выпуск еженедельного белорусского журнала или газеты, а национальный комитет во главе с Головинским превратить в организационный центр всей этой деятельности. Предлагалось даже принять участие в предвыборной кампании в Сейм, чтобы заявить о себе. По мнению Александровского, почва для начала такой работы была, и он уже соответствующим образом «обработал» белорусских лидеров — Головинского, Гузнея и Яковюка³⁰. Однако главным элементом такой деятельности все же должен был быть, по мнению советского дипломата, выпуск белорусского журнала. Сложность состояла в том, что программная статья такого издания должна была ориентировать своих читателей на Минск как на культурный и политический центр всего белорусского движения, но в то же время не иметь антилитовской направленности, иначе его бы незамедлительно закрыла цензура³¹.

Вполне оптимистично были настроены и Головинский с Гузнем: в начале января 1926 г. они, ставшие после отъезда Цвикиевича в Минск признанными лидерами белорусского движения в Литве, предложили новый план работы среди белорусского населения Литвы, который Александровский счел вполне перспективным: «... я считаю их план заслуживающим внимания не только с белорусской точки

28 Там же. Л. 61.

29 Там же. Л. 81. Доклад С. С. Александровского С. И. Аралову от 24 ноября 1925 г.

30 Там же.

31 Там же. Л. 82.

зрения. В называемых ими местностях живет также много русских, большей частью староверов. Не исключена возможность, если не будет крутого изменения избирательного закона, что в этой области на выборах в сейм будет иметь шансы на успех прогрессивный меньшинственный кандидат»³².

В своей записке для советского посольства Головинский и Гузней писали, что последний установил контакт с белорусским населением Трокского уезда — местности с наибольшим количеством компактно проживающих белорусов в Литве, к тому же расположенной в пограничной литовско-польской полосе. Центром пропагандистской работы они предполагали сделать деревню Балтеришки Еввинской волости. Там проживали исключительно православные белорусы, враждебно настроенные к литовским властям. Причинами этой враждебности ковенские лидеры считали дискриминацию белорусов в сравнении с литовцами при наделении землей и отсутствие белорусской национальной школы. В других деревнях там население было смешанным белорусско-литовским.

Белорусские активисты собирались прислать туда имеющуюся у них белорусскую литературу и газеты, составить приговор волости об открытии в Балтеришках белорусской начальной школы, а позднее, после официальной регистрации Белорусского национального комитета, открыть там его местное отделение. Оно должно было затем установить непосредственную связь с Виленщиной. Подобные же планы строились и относительно деревни Александровки Семилишской волости, где дело облегчалось тем, что большинство ее населения побывало в качестве беженцев в России и сохранило симпатии к коммунистам³³. В Высоко-Дворской волости в самом местечке они планировали организовать третий опорный пункт. Там почти не было литовского населения, при этом местечко власти пытались литвинизировать, открыли там литовскую прогимназию и учительские курсы³⁴.

Оптимистические настроения поддерживало и то, что был наконец выведен из игры наиболее вредный среди белорусов для советской пропаганды политик — В. Ластовский. Становясь периодически тактическим союзником СССР, он, тем не менее, долгое время весьма настроенно относился к коммунистам, был убежденным противником идей Цвикевича и вот, наконец, после съезда белорусоведов в

32 Там же. Д. 54755. Л. 4.

33 Там же. Л. 5.

34 Там же. Л. 6.

Минске в 1926 г., позволил убедить себя. Лидер БПСР Т. Гриб, пытавшийся противодействовать коммунистам, предлагал Ластовскому в конце 1925 г. отказаться от его пролитовской ориентации и переехать в Вильну, чтобы организовать там в противовес просоветской Белорусской рабоче-крестьянской Громаде белорусскую национальную партию «народнического типа»³⁵. Однако эти планы не воплотились в жизнь, наоборот, Ластовский оказался втянут в советскую игру.

Вот что писал 7 декабря 1926 г. уполномоченный НКВД СССР при СНК БССР С. Л. Козюра советнику советского полпредства в Польше, а неофициально — координатору всей белорусской работы за рубежом А. Ф. Ульянову: «...о Ластовском. Он уехал из Минска, вконец изменив свое отношение к БССР. Правда, он еще ворчит, и надписей много на русском языке, и на двадцати копейках не видно белорусской надписи (чувствуете, куда он гнет), но все же вынужден был признать и об этом заявлял, что единственно свободная часть Белоруссии — есть БССР и он признает БССР со всеми ее недостатками за свое подлинное отечество. Он начал просить разрешить ему въезд в БССР и дать работать по музеям. Мы заявили, что принять-то его родина примет, но требует от него, чтобы он во всеуслышание заявил примерно то, что решила Берлинская конференция. Он согласился и заявил, что раз мы гарантируем ему прием и работу, он возвращается ликвидировать свои дела... Такое решение вопроса о Ластовском значительно облегчает работу в Литве»³⁶.

Решению Ластовского в немалой степени способствовали напряженные отношения белорусской колонии с литовскими властями, которые стремились ликвидировать деятельность организаций, принимавших участие в Берлинской конференции. Не желая выпустить из своих рук инициативу в белорусском вопросе, власти организовали Литовско-Белорусское товарищество. Группа Головинского постаралась парализовать его работу. Ее члены пришли на организационное собрание Товарищества и оказались на нем в большинстве. Организаторы испугались их численного перевеса и не допустили группу до участия в собрании. Это позволило Головинскому вынести публичный протест и лишить тем самым Товарищество функций общественной организации. Это нанесло удар группе Ластовского,

35 Iwanow M. Białoruskie zmienowichestwo. S. 88.

36 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 21. Письмо С. Л. Козюры советнику Полпредства СССР в Польше А. Ф. Ульянову от 7.12.1926 г. Сов. секретно.

и часть его сторонников стали склоняться к ориентации на Минск и сотрудничать с комитетом Головинского, в частности информировать его о плане деятельности Ластовского (а тем самым и литовцев) по белорусскому вопросу и вопросу Вильно. Об этом своевременно передавались сведения в советское полпредство³⁷.

Козюра оценивал Головинского как «безусловно честного человека, которому можно доверять». Он в целом одобрил планы Головинского (организация местных белорусских секций — *гуртков*, после чего планировалось собрать съезд и переизбрать на нем существующий комитет, дабы придать ему больший авторитет среди населения). Кроме того, Головинский возглавил группу белорусских деятелей, которая намеревалась организовать белорусскую секцию при Компартии Литвы (были названы фамилии Рогевич, Нюнько, Козлов, Гловацкая, Высоцкий, Михальченко и Бездольный). Головинский считал, что эта группа сумеет осторожно вести пропаганду через Белорусский комитет, «учитывая настроения той среды белорусского населения, в которой придется работать»³⁸. Белорусы группы Головинского и Гузняя хорошо усвоили тезис компартии о необходимости перенести работу в низы и установить контакты с местным населением³⁹ (что позволяет хотя бы частично опровергнуть обвинения Езовитова, что белорусские организации в Литве «не заметили, что в Ново-Александровском, Трокском и других уездах живет значительная масса белорусов, которым нужно дать и школу, и книгу, и театр на белорусском языке»)⁴⁰.

Вполне возможно, что под руководством Головинского такая местная белорусская организация могла бы вполне успешно существовать, однако переход от амбициозных планов по созданию независимой БНР в этнических границах к работе «на земле» произошел слишком поздно с учетом политической обстановки в Литве. Кроме того, Белорусский комитет не скрывал своих симпатий к коммунистам, что сказалось роковым образом на всей белорусской работе. Как можно видеть из отчета Головинского Александровскому, его работа в 1926 г. протекала в весьма неблагоприятных условиях. Берлинская конференция произвела на литовские власти «неприятное впечатление». После отъезда Цвикевича в Минск Головинскому отказали в праве жительства в Литве, а так как он не выехал из страны по требованию властей, его пытались

37 Там же. Д. 54755. Л. 16.

38 Там же. Л.11.

39 Там же. Л. 12.

40 *Езавітаў К.* Беларусы... С. [115].

принудительно вывезти в нейтральную зону на польско-литовской границе. Тем не менее он остался в Литве.

Головинский писал, что основой литовско-белорусских отношений являлся виленский вопрос. Общей тактики в этом вопросе у литовцев не было, но его разрешения требовал государственный престиж. По мнению Головинского, литовцы рассчитывали с помощью белорусов отобрать Вильно у поляков, а затем с помощью поляков парализовать белорусские национальные стремления. Этим можно объяснить заигрывание с белорусами при одновременном развертывании широкой сети польских школ в Литве. Вряд ли можно было белорусам ожидать чего-то хорошего от такой политики, считал он. Потому следовало создать литовцам видимость дивидендов от сотрудничества с белорусами, дабы удержать их от сближения с Польшей. Для этого следовало усилить консолидацию и активность белорусских элементов в Литве⁴¹.

Чтобы расширить свое влияние среди белорусского населения, группа Головинского приняла участие в выборах в Сейм. Противником ее на выборах стал русский Демократический союз. Он раскололся на три части, с одной из которых, под руководством М. Рогевича (революционно-марксистской), комитет Головинского в итоге объединился. Вторая часть Демократического союза, под руководством Прозорова, отказалась от борьбы, в результате на выборы пошла только группа Ерина, поддерживаемая правительством Литвы. Белорусы Головинского в итоге получили втрое больше голосов, чем группа Ерина.

Характеризуя состояние белорусского дела в Литве, Головинский обращал внимание на общую разочарованность населения, которому много обещали, но очень мало из обещанного сделали. Большинство белорусского населения в Литве при аграрной реформе попали в списки русификаторов-колонистов, в результате чего потеряли землю. Это в значительной мере терроризировало местное крестьянство, заставляя людей скрывать свою национальность. Белорусские крестьяне в массе своей жили очень бедно, еще не оправившись от последствий мировой войны. Все это заставляло белорусов к литовской власти относиться негативно. Зато широко были распространены симпатии к СССР. Но этой же оппозиционностью по отношению к Литве успешно пользовались и польские агитаторы, играя на старых полонофильских традициях края, особенно в религиозных вопросах.

Ставя своей задачей развитие национально-политического и социального самосознания белорусского крестьянства, Головинский

41 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54755. Л. 16.

называл главным препятствием на этом пути не столько литовскую власть, сколько сплоченный польский элемент. Так что основной своей задачей он считал борьбу именно с польским влиянием, что позволило бы предохранить белорусов от полонизации и создать устойчивый в политическом отношении элемент.

Однако уже в конце 1926 г. ситуация в Литве кардинальным образом изменилась. 17 декабря в Литве произошел государственный переворот, сместивший левоцентристское правительство М. Слежявичюса и приведший к власти лидера литовских националистов А. Сметону. Не в последнюю очередь в падении правительства сыграло роль слишком доброжелательное отношение Слежявичюса к польскому меньшинству⁴². Однако прокоммунистические белорусы нравились литовским националистам еще меньше. Были арестованы лидеры компартии Литвы, четверо из них затем расстреляны. В апреле 1927 г. был распущен сейм. Рассчитывать на продолжение мало-мальски эффективной деятельности в ближайшие годы не приходилось.

В 1928 г. остатки белорусского эмигрантского центра, в том числе Головинский, перебрались в Минск. Как известно, решение Ластовского вернуться стало его роковой ошибкой. Уже в 1930 г. он был впервые арестован за свои национал-демократические убеждения и сослан в Саратов. Подобная же участь ожидала и его оппонентов — Цвикевича и Головинского.

Головинского арестовали в 1930 г. по тому же делу «Союза освобождения Беларуси», что и Ластовского. Приговор был достаточно мягким: пять лет ссылки в Нижний Новгород. Дальнейшая же его судьба неизвестна⁴³.

Трудно судить, насколько была предопределена полная ликвидация эмигрантского центра в Литве. Но стоит отметить, какое влияние на судьбу белорусской эмиграции оказала неспособность белорусских лидеров договориться между собой. Ластовский, которого практически все его соратники обвиняли в неуемных амбициях, не только не поддержал деятельность Ковенского белорусского комитета, который при благоприятных обстоятельствах имел возможность стать центром белорусской культурной жизни в Литве, но и настроил против него в то время еще достаточно доброжелательное к белорусам литовское правительство.

42 *Lopata R.* Authoritarian regime in interwar Lithuania: circumstances, legitimation, conception. Vilnius, 1998. P. 25.

43 Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d9/f64.htm> (дата обращения 15.10.2020).

Судя по имеющимся документам, деятели Ковенского комитета в Советский Союз могли бы и не переехать, их задачей была работа именно с местным населением. Заметим, что сотрудничество советских дипломатов с белорусским лидером в Латвии К. Езовитовым вполне плодотворно продолжалось и в 1930-е гг., даже на фоне подобного литовскому правого режима Ульманиса. Поэтому влияния внутренних противоречий белорусской колонии не стоит недооценивать. При этом, в отличие от Езовитова, Головинский, судя по всему, искренне симпатизировал коммунистическим идеям, считая их вполне совместимыми с белорусской национальной идеей. Однако зигзаги советской политики, подчас совершенно неожиданные даже для ее послушных исполнителей, поставили под удар в том числе и совершенно лояльных деятелей.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ezavitaŭ K. Беларусы ў Літве // Запісы. Беларускі інстытут навукі і мастацтва. New York; Miensk, 2013. № 36. С. [113]–[129].

Ліс А. Аляксандр Цвікевіч. Выдатны публіцыст і гісторык. Мінск: Харвест, 2014. 63 с.

Чернякевич А. Н. БНР. Триумф побежденных. Минск: А. Н. Янушкевич, 2018. 302 с.

Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2017. 368 s.

Iwanow M. Białoruskie zmienowiechowstwo // Białoruskie Zeszyty Historyczne. No. 51. Białystok, 2018. S. 71–93.

Lopata R. Authoritarian regime in interwar Lithuania: circumstances, legitimation, conception. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1998. 121 p.

References

Błaszczak, T. *Białorusini w Republice Litewskiej*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2017, 368 p.

Cherniakevich, A. N. *BNR. Triumf pobezhdennykh*. Minsk: A. N. Ianushkevich, 2018, 302 p.

Ezavitaŭ, K. “Belarusy ŭ Litve.” *Zapisy. Belaruskі instytut navuki i mastatstva*, no. 36, New York, Minsk, 2013, pp. 113–129.

Iwanow, M. “Białoruskie zmienowiechowstwo.” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, no. 51, 2018, pp. 71–93.

Lis, A. *Aliaksandr Tsvikevich. Vydatny publitsyst i historyk*. Minsk: Xarvest, 2014, 63 p.

Lopata, R. *Authoritarian regime in interwar Lithuania: circumstances, legitimation, conception*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1998, 121 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.02

Korotkova D. A.

The Soviet Plenipotentiary Mission and the Belarusian diaspora in Lithuania in the 1920s

Darya A. Korotkova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: dasza1981@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Citation

Korotkova D. A. The Soviet Plenipotentiary Mission and the Belarusian diaspora in Lithuania in the 1920s // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 254–271 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.02

Received: 10.11.2020.

Abstract

The article is dedicated to little-known pages of the history of Soviet diplomacy. Contacts with emigrant circles were an important part of the work of the Soviet representative office in Lithuania in the 1920s. The search for effective ways to infiltrate communist propaganda in broad circles of the population of neighboring countries, as well as attempts to persuade political figures of these countries to cooperate, were the main motives of these relations. Starting in 1921, the emigrants themselves, including members of the Council of the Belarusian People’s Republic, the unrecognized Belarusian government in exile, sought connections with Soviet diplomats, mainly for financial reasons. These contacts became interesting for Soviet establishment in 1923, when the Council of

ambassadors of the Entente recognized the Soviet-Polish borders under the Riga Peace treatment. Looking for the way out of situation they decided to transfer to BSSR to implement even partially their ideas, or to cooperate closely with the Soviet mission. This one in its turn used this channel for access to Belarusian minority in Lithuania. The article is based on archival materials of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR.

Keywords

Kovno Lithuania, Belarusian Committee, Lastovsky, Golovinsky, Kozyura, Zander, Alexandrovsky.